

Олег Басилашвили: Воровать, а не работать — это мы умеем

Олег Басилашвили — человек крайне политизированный. По крайней мере, именно такое впечатление складывается при общении с великим актером, ибо на тему своего экс-депутатства или «болезненного отпуска цен» в начале девяностых он говорит куда более горячо, нежели о собственной семье или иногда вспыльчивом характере. Рассуждая об ошибках Гайдара и Ельцина, Басилашвили непременно вспоминает Горбачева, который, по его мнению, куда более других виноват, что 25 тысяч рублей, хранившихся на актерской сберкнижке в 90-м году, загадочным образом испарились, не принеся их обладателю ни одного из земных благ. Однако мы предлагаем вам увидеть в большей степени актера Басилашвили — того, который еще помнит замечательного Товстоногова, и того, кто стыдливо отказывается выносить на всеобщее обозрение чувства, касающиеся близких людей...

— Олег Валерьянович, я слышал, что вы, как и Толстой, не любите Шекспира...

— Да, не люблю. Так же, как и Достоевского.

— Однако это дерзкое заявление требует комментариев...

— Догадываюсь, что сейчас распишусь в собственной безграмотности, но я его, Шекспира, не понимаю! Достоевского понимаю, он гениальный философ, но очень плохой писатель. Все у него придумано. Он специально выдумывал фигуры, чтобы показать антитезу Канту. «Братья Карамазовы» — это целиком философский спор с Кантом. Если открыть «Критику чистого разума», а рядом положить «Карамазовых», то там будет буквально страничный спор!

— Что-то вроде «Анти-Дюринга»?

— Да-да! Только иллюстрированный художественными образами.

— Интересная мысль. А что же вы тогда чувствовали, когда играли в продолжении «Идиота» с Валерием Михайловским?

— Так как раз там доктор находится на позициях анти-Достоевского. Он лечит Мышкина по Фрейд, он ведь психиатр...

— Да, все это достаточно забавно, если еще и учесть, что Фрейд считал Достоевского своим любимым героем и объектом психоанализа. Насколько я в курсе, этот спектакль мало кто видел, но в театральных кругах он стал сенсацией.

— Да, это было такое эссе, даже не пьеса, о том, как князь Мышкин после всего, что случилось, приехал в Женеву к доктору Шнайдеру и попытался излечиться от своего заблуждения. И этот процесс публично-го излечения по Фрейду мы с вами в спектакле и наблюдаем. Только условность заключается в том, что одну роль играет драматический артист, а другую — балетный; главным его инструментом является танец, посредством которого он и выражает себя. А в мою задачу, как доктора, входит сделать Мышкина обычным человеком, нормальным — нормальные люди не танцуют, а разговаривают. Что в результате и происходит.

— Не было ли у вас ощущения, что работа в таком камерном спектакле, практически студийном, была для вас, привыкшего к масштабу и пафосу БДТ, слишком тесной?

— В БДТ нашей целью было избежать ложно-романтического пафоса, актерских криков. Главной задачей Товстоногова всегда было докопаться до сути человеческих отношений. И в репетиционном зале у нас до сих пор висит плакат с вы-

сказыванием Чехова, что чувства надо выражать не криками, не жестами, а паузами, тишиной. Так что студийная, как вы говорите, работа мне абсолютно не мешала.

— Олег Валерьянович, вот смотрю на вас, а вижу Бузыкина из «Осеннего марафона». Вы стали любимцем всех женщин Советского Союза. Моя бывшая жена этот фильм вообще не изустит, и уверяю вас, не только она. А мой самый любимый эпизод в картине, когда в конце фильма Бузыкин открывает дверь этому безумному шведу и натягивает на себя улыбочку перед очередной долбаной пробежкой. Вы сами выдумали эту гримасу или все же Даниеля вам что-то подсказывал?

— Конечно, Даниеля.

— Неужели он все до таких мелочей сам придумывал?

— Даниеля — один из крупнейших режиссеров мира. Он потому таким и является, что может проникнуть в душу любого персонажа.

— А каково ваше отношение к «Осеннему марафону»? Он входит в число ваших любимых?

— Я очень люблю этот фильм, и роль эта интересная, но есть и другие... В картине Рязанова «Небеса обетованные», например, небольшая роль, трагикомическая, но она мне очень близка...

— Это тот бомж, который жениться хотел? Но у Рязанова картины ансамблевые, а Бузыкин — это соло, и все великие в этой картине только подыгрывали.

— Ну, это просто роль была главная, а я играл много и второстепенных ролей, они мне тоже нравятся. Главное — зачем. С какой целью ты красишь себе лицо. Ты же не проститутка. А если нет никакой цели, то как раз это слово больше всего и подходит...

— Говорят, вы в театре появляетесь два-три раза в месяц...

— Чепуха. У меня в месяц бывает до двадцати спектаклей основного репертуара.

— Говорят, в БДТ очень любят всякого рода розыгрыши.

— Да, у нас любят пошутить.

— А вас когда-нибудь разыгрывали?

— Надо мной не очень-то пошутить.

— А кого же тогда разыгрывали?

— Один раз — Товстоногова. Он очень любил автомобили, и у него была очень давняя мечта купить себе «Мерседес». Поскольку мы — это очень тщательно скрывалось от прессы — начиная с 1963 года ездили весь земной шар, зарабаты-

вая валюту на обком партии, на КГБ и прочих, имея при этом по четыре доллара суточных, Георгий Александрович, получая как руководитель театра чуть побольше, ничего себе не покупал, а копил на машину. А время тогда было такое, что даже зажигалку можно было увидеть только за границей. Мы не знали, что такое шариковые ручки, что такое хорошие магнитофоны... И вот, когда его уже стали приглашать в другие страны ставить спектакли, он поехал в Гамбург и взял с собой все деньги. И актеры местного театра помогли купить ему подержанный «Мерседес». И это великий режиссер, мировая величина! С грехом пополам приехал он на нем домой, заплатив какую-то умопомрачительную пошлину. А мы в театре договорились, что сделаем вид, будто эту

Машина не заводилась — Товстоногов совал в замок зажигания ключи от квартиры.

машину не замечаем. Он гордо стоит рядом с «Мерседесом», ждет, а мы спрашиваем, как прошел спектакль, как актеры, какая погода в Гамбурге... А он то дверь откроет-закроет, то по капоту машину поладит... Потом он как-то решил меня на ней покатасть. Я сел, а она не заводится. Он разволновался, а я стал возмущаться: да это дрянь какая-то, она даже не заводится. А он, оказывается, совал в замок ключи от своей квартиры.

— Вы были знакомы с Товстоноговым до БДТ?

— Да, три года. А потом, в 1959 году, он пригласил меня к себе в театр. И с тех пор я — там. Вот уж почти сорок лет...

— Правда, что вашей первой женой была Доронина?

— Правда. Мы очень рано поженились, нам было по девятнадцать, и прожили вместе семь лет. А потом расстались...

— А ваша нынешняя жена не актриса?

— Нет, она работает на телевидении шеф-редактором, делает много разных передач.

— Вы не любите разговаривать о личном?

— Вы понимаете, есть какие-то вещи, о которых говорить не принято. Вот, я читаю высказывания представителей нашей эстрады, молодых кинематографистов, и мне подчас за них стыдно. Нельзя выносить на всеобщее обозрение какие-то мысли и чувства, которые относятся к близким людям.

— Я с удивлением заметил, что вы — человек флегматичный. А как же грузинский темперамент? Жестикаляция, горячность?

— Ну, во-первых, я грузин всего на четверть, а во-вторых, если что и есть, то это на сцене проявляется.

— Олег Валерьянович, бытует мнение, что актер — личность, как правило, чрезвычайно эгоцентричная, мало интересующаяся происходящим вокруг... Когда вы вдруг почувствовали себя государственным человеком?

— Я никогда не чувствовал себя государственным человеком, я ощущал и ощущаю себя гражданином России. У нас, к сожалению, отучили людей чувствовать себя гражданами. Мы были такими ликующими, марширующими толпами, вечно все одобряющими и вечно чего-то жлушими от властей. Я полагал, что все это надо менять, что все должно зависеть от гражданина, то есть от человека, наделенного всеми правами, охраняемыми Конституцией. И я рад, что в нашу Конституцию все эти права заложены.

— Однако, предполагая, до перестройки вы были иным?

— Мы все ездили в пионерлагеря, были в комсомоле, правда в партии

я никогда не был... В Советском Союзе было очень много хорошего, но и плохого было предостаточно. Менталитет-то был общим... Но постепенно, под влиянием Сахарова, Ковалева, я стал понимать, что не все у нас ладно. А после книги Гайдара «Государство и эволюция» я стал понимать еще больше. А именно: все у нас упиралось в отсутствие частной собственности. Вы бывали за рубежом? Видели кладбища? Есть у них загородаки на могилах? А ведь там частнособственнический инстинкт очень широко развит, да? У нас же — не кладбище, а сплошные загородаки. Русский человек, никогда ничего не имевший, хочет иметь собственность, и когда у него появляется могила, он говорит: это мое! Это единственное, что у меня есть. Квартира — не моя, она арендованная. Ну, машина у кого-то есть, это собственность, но она и ломается — считай, и ее нету. Посуда, телевизор, одежда... Инстинкт собственника у нас уничтожен, и проявляется он только на кладбищах. В Европе триста лет назад земля была отдана крестьянам, а у нас только Столыпиным она начала раздаваться. У нас собственность имели только пять лет — с одиннадцатого года, а после революции снова начался крепостной строй. Менталитет такой: да, это не мое — значит, украсть! Улыбнуться хозяину, а когда он отвернется, снова украсть... Рабский менталитет. И за пять лет от этого не избавиться. В России были свободные люди — дворянство, купечество, кулаки, и они могли быть образцом для развития. Но все эти люди уничтожены! Остались только те, кто не умеет работать, а умеет воровать.

— Как-то грустно выходит. Но все же есть надежда, что оградки с могил на наших кладбищах исчезнут?

— Это долгий процесс. Очень долгий.

— Ну что же, спасибо за беседу. А за оградки — спасибо отдельное, очень художественно получилось...

Виталий КНЯЗЕВ.

